

ников и привлечении исторической литературы, относящейся к теме. Эрудиция и несомненная компетенция автора позволили ему с большой обстоятельностью выяснить фактическую историю пятнадцатилетнего периода, избранного в качестве объекта исследования. Автор уточнил ряд спорных вопросов: датировку источников, событий, передвижений народов, локализацию событий, а также отдельные моменты фискальной и военно-административной истории империи. Попутно в книге приведен также и значительный материал, относящийся к положению и борьбе народных масс. Поскольку, однако, автор не поставил в центре своего исследования проблему социально-экономических причин разделения, а выдвинул на первый план лишь вопрос о том, как разделилась империя, и уделил все внимание „событиям и людям“, он не смог нарисовать правильную картину и дать научное объяснение специфики этого важнейшего периода.

И. Ф. Фухман

E. A. THOMPSON. THE HISTORICAL WORK OF AMMIANUS MARCELLINUS

Cambridge, 1947, 141 p.

Книга английского прогрессивного исследователя Э. А. Томпсона „Исторический труд Аммиана Марцеллина“ представляет собой значительное во многих отношениях явление. Она может заинтересовать советского историка как методологией автора, который стремится стать на марксистские позиции, так и свежестью выводов относительно большого числа частных вопросов истории IV в., получивших, казалось бы, давно уже окончательное разрешение. Как показывает приводимый ниже план книги, интерес автора сосредоточен вокруг двух кардинальнейших для всякого историографического исследования проблем — на характере использования источников и общей концепции излагаемых событий. Первой посвящена частично гл. 1. „Биография“ (стр. 1—20) и гл. 2. „Источники“ (стр. 20—42), а второй — гл. 3—6 (стр. 42—108), где автор рассматривает события, группируя их вокруг виднейших исторических фигур того времени — Урсицина, Цезаря Галла, Юлиана, Феодосия (отца императора Феодосия I), Максимиана и, частично, гл. 7 — „Композиция последних шести книг Истории“ (стр. 108—121). Работа завершается обобщающей гл. 8 — „Аммиан как историк“ (стр. 121—134) и двумя приложениями: „Зосима и персидский поход Юлиана“ (стр. 134—138) и „Хронологические замечания к „Истории“ Аммиана, XXVIII, 1“ (стр. 138—141).

Выводы сравнительно небольшой по объему книги Томпсона подымают многие распространенные точки зрения, прежде всего — уверенность в первенствующей роли письменных источников в работе любого позднеантичного и в особенности средневекового автора и в некритическом их использовании.

Зарубежная историография в лице подавляющего большинства своих представителей до сих пор по традиции сводит все противоречия и своеобразие оценок, встречающиеся в том или ином источнике, к неумелому списыванию их автором своих предшественников. Таким образом, писатели поздней античности и средневековья почти без исключений признаются компиляторами, неспособными критически отнестись к используемым ими письменным свидетельствам. В представлении мно-

гочисленных сторонников указанной точки зрения они напоминают дурных учеников, склонных, списывая с чужих тетрадей, объединять подчас противоречивые решения задачи.

Второе традиционное заблуждение, опровергаемое Томпсоном, — это представление о беспристрастности Аммиана. Исследователь умело разграничивает добросовестность Аммиана, с одной стороны, обусловленность его взглядов классовой принадлежностью и политической ориентацией — с другой, показывая, что концепция событий у Аммиана тенденциозна и определяется главным образом классовой идеологией автора; в иных случаях к этому основному фактору присоединяется также стремление приспособиться к условиям господствующего режима в целях сохранения личной безопасности и, наконец (очень ограниченно), — влияние дружеских связей. Однако, стремясь правильно подойти к наследию Аммиана Марцеллина, т. е. объяснить его отношение к описываемым событиям, исходя из классовой природы его воззрений и, — в связи с ней — политической ориентации, Томпсон несколько упрощенно решает свою задачу. Он считает возможным рассматривать только политический аспект труда Аммиана, оставляя без внимания другие стороны его мировоззрения. Между тем только освещение с материалистических позиций всех сторон идеологии писателя, представляющей собой органическое целое, позволило бы исследователю нарисовать полную и точную картину отношения Аммиана к изображаемой им действительности. В этой связи нельзя не упомянуть об оговорке Томпсона во введении (стр. XI), где автор предупреждает, что будет рассматривать Аммиана только как историка, ибо его мировоззрение уже много раз служило объектом исследования.

Но, несмотря на этот и некоторые другие недочеты книги, Томпсону удается по-новому подойти к центральным проблемам, связанным с „Историей“, и внести существенные уточнения в наши представления об отдельных фактах политической жизни IV в., тенденциозно освещенных Аммианом. В плане того нового, что вносит работа Томпсона, большой интерес представляет глава об источниках, убедительно доказывающая, что Аммиан в дошедшей до нас части своего труда основывался преимущественно на аутопсии и свидетельствах очевидцев и лишь в очень ограниченной степени опирался на письменные источники. Между тем предшественники Томпсона (O. Seeck, K. Borries и др.) считали его „Историю“ неуклюжей компиляцией других авторов, отказывая историку в самой умеренной дозе здравого смысла и способности заметить и преодолеть противоречия своих источников. Так, например, считалось, что он положительно отзывался о Констанции, черпая из источника А, и высказывался о нем критически, пользуясь источником В (Borries), что симпатия к христианству, иногда проскальзывающая в его книге, — результат следования какому-нибудь христианскому автору (Seeck), точно Аммиан Марцеллин не был в состоянии иметь собственную точку зрения при оценке личности своего императора или в религиозных вопросах. С большим остроумием Томпсон опровергает теорию контаминации письменных источников. Его полемика с другими учеными не только плодотворна в данном, частном случае (поскольку автор объясняет метод Аммиана), но интересна и в теоретическом плане. Представление о работе даже выдающихся историков поздней античности и средневековья как о малосознательном акте, состоящем преимущественно в механическом склеивании материала различного характера по своей ориентации источников, в большинстве случаев органически не переработанных, — одна из разновидностей формалисти-

чешской теории заимствования, отрицательно сказавшейся на освещении деятельности ряда античных и средневековых писателей. Невозможно, конечно, отрицать сравнительно большой роли подобного метода написания истории в эпохи, когда отношение к традиции было чрезвычайно трепетным и когда вместе с тем не ощущалось свойственной нашему времени потребности осознавать степень своей зависимости от использованного материала, отграничивая свое от чужого. Но, на наш взгляд, не представляется возможным, исходя исключительно из этого, объяснять все особенности структуры текста и идеологической ориентации того или иного автора. Слабым пунктом сторонников теории контаминации, — это в полной мере относится к исследователям Аммиана Марцеллина, с которыми полемизирует Томпсон, — является их стремление хотя бы умозрительно реконструировать отсутствующий письменный источник, будто бы послуживший „образцом“. Так, в качестве источников Аммиана появляются восстановленные по догадке записки какого-то участника персидского похода Юлиана (хотя Аммиан сам сопровождал императора и не имел как будто надобности в этой части своей книги опираться на чужие свидетельства) и некий источник анналистического типа.

Пересмотр вопроса об источниках Аммиана, блестяще осуществленный Томпсоном, приводит его к ряду важных выводов. Прежде всего восстанавливается подлинный облик одного из самых крупных историков древности, недооцененного современной наукой и низведенного на роль компилятора, оказывающегося не в состоянии совладать с противоречиями своих источников. В книге Томпсона убедительно опровергается мнение о существовании не дошедшего до нас и не упоминаемого современниками источника высокой достоверности, которым якобы пользовался Аммиан в разделе своего труда, посвященном персидскому походу Юлиана, — для „создания“ такого источника виднейшие зарубежные ученые употребили немало остроумия и эрудиции.

От проблемы источников исследователь переходит к анализу вопроса о тенденциозности Аммиана в освещении политических событий, сосредоточивая внимание, как выше указывалось, на центральных фигурах политической жизни того времени. И здесь Томпсон подходит к фактам с присущей ему ясностью мысли и во всеоружии доказательств, затрагивая многие важные вопросы политической истории, не раз служившие предметом дискуссии. Считая, что принадлежность Аммиана к прослойке куриалов, в первую очередь, и некоторые личные моменты, во вторую, определили его отношение к тем или иным явлениям общественной жизни или отдельным личностям, автор разрушает прочно укоренившееся в науке представление о беспристрастности суждений историка.

Исследователь начинает с доказательств того, как неосторожно воспринимать без коррективов (а это делали почти все историки) идеализированный образ Урсицина, представленного в „Истории“ жертвой дворцовых интриг и недоброжелательства императора Констанция. В этом случае критическая проверка свидетельств Аммиана приводит Томпсона к выводу о том, что личные симпатии автора к Урсицину, под начальством которого он прослужил семь лет, и ориентация на его суждения послужили причиной значительной идеализации его облика. Цезарь Галл, напротив того, изображается Аммианом резко отрицательно; дается неправильная и пристрастная картина его краткого правления в Антиохии. Причины антипатии Аммиана к Галлу предопределены главным образом враждебной политикой Галла по отношению

к земельным собственникам, интересами которых Аммиан как куриал был проникнут, и в некоторой степени обусловлены также необъективностью лиц, его информировавших. Это сказалось на следующих особенностях повествования: умалчивается о вине казенных Цезарем Галлом лиц, о популярности Галла в некоторых общественных кругах, о его полководческом даровании, об иудейском восстании, о подавлении заговора Магнентия и т. д. Даже герой Аммиана Юлиан подвергался, благодаря куриальной ориентации историка, тенденциозной критике; его политика по отношению к среднему классу часто не удовлетворяла Аммиана: это обусловило появление ряда глубоко необъективных картин деятельности императора, нарисованных в „Истории“. Некоторые черты личного поведения Юлиана (его „несолидность“ и демократизм в обращении с людьми) также не встречали сочувствия Аммиана, пропитанного „положительностью“, свойственной мировоззрению среднего класса, поклонника идеализированной римской *gravitas*; не устраивал его и несколько демонстративный характер проявления религиозных чувств императора. В трактовке некоторых сторон религиозной политики Юлиана (осуждение его закона, запрещающего чтение языческих писателей в христианских школах) сыграло роль также и то, что Аммиану в работе над этой частью своего труда приходилось считаться с христианской ориентацией императора Феодосия I, ибо эта часть „Истории“ писалась после смерти Юлиана.

Такой же политической мимикрией Томпсон объясняет искажение событий, связанных с личностью Феодосия, отца императора Феодосия I, и с Максимином, виновником казни первого. Томпсон вскрывает многочисленные нарушения исторической правды, к чему вынуждала Аммиана суровая цензурная политика императора Феодосия I, направленные к прославлению дома императора и посрамлению его врагов. Таким заданием объясняется нежелание Аммиана сообщить о причинах казни Феодосия, неумеренное превознесение его военных дарований и не менее тенденциозно, но только в мрачных красках нарисованный портрет Максимиана (освещение его деятельности в области внешней политики и на процессах 371—372 гг.), одним словом, — сервализм последних книг „Истории“ всюду, где дело идет об императоре Феодосии и его семье.

Новое толкование ряда фактов, связанных с жизнью и политической деятельностью этих лиц и детально проанализированных Томпсоном, дало возможность исследователям политической и экономической истории IV в. оперировать тщательно проверенным историческим материалом, в значительной мере освобожденным от тенденциозной трактовки.

Мы остановились на главнейших вопросах, затронутых в монографии Томпсона. Остается только сказать об общей оценке труда Аммиана. Томпсон справедливо отмечает надежность сведений этого крупнейшего историка своего времени, в особенности в части, касающейся событий, связанных с деятельностью Констанция, Юлиана, Иовиана, Валентиниана и Валента, и оценивает его в этом смысле значительно выше других историков императорской эпохи, дававших гораздо более искаженную картину своего времени. Широка, с какой Аммиан охватывает действительность, позволяет ему не замыкаться в рамки дворцовых и столичных событий, а интересоваться жизнью империи во всех ее многообразных проявлениях, повсеместно, от Галлии до Сирии. Наконец, исследователь говорит о высокой степени художественного совершенства „Истории“ Аммиана с ее блестящими характеристиками людей и мастерски исполненными картинами событий.

Нельзя, однако, согласиться с утверждением Томпсона о том, что Аммиан отдавал себе достаточно ясный отчет в причинах, определяющих положение вещей, создавшееся в империи, считая, что его обуславливают два фактора: сосредоточение богатств в руках сенаторов-землевладельцев и отсутствие необходимого единства богатых и бедных. Эти причины, якобы установленные Аммианом, добыты исследователем в результате весьма искусственного сопоставления и толкования отдельных зарисовок Аммиана (характеристика Проба) и даже фраз (утверждение, что во времена Марка Аврелия империя выстояла только вследствие сотрудничества всех классов общества) и поэтому не представляются нам убедительными. Во всяком случае нигде на протяжении своего большого труда Аммиан не раскрывает свое понимание причин, определяющих изображаемую им историческую обстановку, что отнюдь не умаляет заслуг этого замечательного историка и того значения, которое его труд имеет для уяснения одной из интереснейших переломных эпох истории.

С. В. Полякова
